

деть считаться правымъ дѣломъ убіеніе одного человѣка другимъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, говоря это, тѣмъ самимъ мы утверждаемъ, что люди и теперь не въ правѣ дѣлать этого.

„Такое разсужденіе примѣнімо ко всѣмъ терпимымъ и оправдываемымъ нынѣ правонарушеніямъ сильныхъ міра сего по отношенію къ слабымъ и беззащитнымъ,—словомъ, принципы, которые признаны будуть обязательными во время Тысячелѣтія, тѣ самые принципы обязательны для насть и теперь; никакой перемѣны въ руководящихъ началахъ не будетъ и не требуется. Нужно только примѣніе принциповъ этихъ въ жизни. Начни завтра люди примѣнять въ жизни ученіе Христа, завтра же и настало бы „Тысячелѣтіе“, завтра бы и настало Царство Бога на землѣ“.

„Мы какъ будто находимъ наслажденіе въ замедленіи наступленія Царства Божіяго, словно въ понятіи этомъ заключаются какія-то чары. Scribent manum injicit et quam libet festinantem in se morari cogit. Крыло поэзіи вѣтъ надъ представлениемъ о великому событии Хеліазмы. Иногда оно рисуется нашему воображенію въ видѣ внезално расцвѣтшей пустыни, покрывшейся вдругъ свѣжими побѣгами и почками, то представляется оно въ видѣ дивнаго города, спустившагося съ неба разукрашеннымъ и сияющимъ, какъ невѣста при встрѣчѣ жениха, иногда кажется оно намъ великимъ храмомъ, выросшимъ изъ-подъ земли, и до того обширнымъ, что подъ сѣнью его пріотились народы со всего земного шара, и храмъ тотъ построенъ не изъ тлѣнныхъ матеріаловъ, а стоитъ на нетлѣнныхъ столбахъ. Каждый великий религіозный принципъ—одинъ изъ столбовъ храма Тысячелѣтія. Принципъ полнаго воздержанія отъ пьянства—одинъ изъ столбовъ; онъ внезапно поднялся и теперь уже стоитъ, озаренный лучами сіянія Царства Божія. Принципъ правъ человѣка, какъ